

DOI: 10.25629/НС.2026.05.07

УДК: 316.6

ВАК:5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Дамнянович Стефан, аспирант, Государственный университет просвещения**Нестерова Альбина Александровна**, доктор психологических наук, профессор,
Государственный университет просвещения, Московский институт психоанализа, ORCID:
0000-0002-7830-9337**Damnyanovich S.**, Postgraduate Student, State University of Education**Nesterova A.A.**, Doctor of Psychology, Professor, State University of Education, Moscow Institute
of Psychoanalysis, ORCID: 0000-0002-7830-9337

✉sdamnjanovic@mail.ru; anesterova77@rambler.ru

Сравнительный анализ ресурсов семейной устойчивости в условиях социальных потрясений в России и Сербии

Аннотация

В статье рассматривается актуальность исследования жизнеспособности семьи и ее внутренних ресурсов в контексте современной психологической науки. В условиях затяжных социально-экономических трансформаций и глобальной неопределенности семья продолжает играть фундаментальную роль в обеспечении социальной адаптации и психологической устойчивости индивида. Основная цель исследования заключается в выявлении многомерных факторов, влияющих на семейную жизнеспособность, а также в определении специфики семейной поддержки как буфера при преодолении стрессовых жизненных ситуаций. Методологический аппарат работы базируется на комплексном подходе, сочетающем количественные и качественные методы анализа данных. Эмпирическое исследование проведено на выборке из 240 респондентов, представляющих две страны Сербия (n=120) и Россию (n=120), что позволило провести кросс-культурный анализ механизмов семейного функционирования. В ходе работы применялись методы дескриптивной статистики, корреляционный анализ, t-критерий Стьюдента для выявления значимых различий, а также качественный контент-анализ открытых ответов респондентов. Результаты исследования демонстрируют, что высокий уровень субъективно воспринимаемой семейной поддержки напрямую коррелирует со снижением показателей социального стресса и повышением общего уровня благополучия. Исследование выявило, что в условиях семейных трудностей русские респонденты чаще опираются на рационально-прагматичные стратегии и индивидуальные ресурсы, тогда как сербские респонденты преимущественно обращаются к духовно-религиозным ценностям и эмоциональной гармонии. Авторами установлено, что в обеих странах, несмотря на культурные особенности, преобладают схожие механизмы адаптации. Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что эмоциональная сплоченность и конструктивная внутрисемейная коммуникация являются универсальными и ключевыми факторами жизнеспособности семьи. Практическая значимость работы заключается в возможности использования результатов для разработки программ психологической помощи семьям, находящимся в кризисных ситуациях.

Ключевые слова

семейная устойчивость, семейные ресурсы, семейная поддержка, стресс, кросс-культурное исследование, контент-анализ

Comparative analysis of family resilience resources under conditions of social upheaval in Russia and Serbia**Abstract**

The article examines the relevance of studying family resilience and its internal resources within the framework of contemporary psychological science. In the context of prolonged socioeconomic transformations and global uncertainty, the family continues to play a fundamental role in ensuring social adaptation and the psychological stability of the individual. The main purpose of the study is to identify the multidimensional factors influencing family resilience, as well as to determine the specific role of family support as a buffer in coping with stressful life situations. The methodological framework of the study is based on an integrated approach combining quantitative and qualitative methods of data analysis. The empirical study was conducted on a sample of 240 respondents representing two countries—Serbia (n = 120) and Russia (n = 120)—which made it possible to carry out a cross-cultural analysis of family functioning mechanisms. The study employed descriptive statistics, correlation analysis, Student's t-test to identify significant differences, and qualitative content analysis of respondents' open-ended answers. The results demonstrate that a high level of subjectively perceived family support is directly correlated with lower levels of social stress and a higher overall level of well-being. The study revealed that, in situations of family difficulties, Russian respondents more often rely on rational and pragmatic strategies and individual resources, whereas Serbian respondents tend to turn primarily to spiritual and religious values and emotional harmony. The authors found that, despite cultural differences, similar mechanisms of adaptation prevail in both countries. The data obtained confirm the hypothesis that emotional cohesion and constructive intrafamilial communication are universal and key factors of family resilience. The practical significance of the study lies in the possibility of using the findings to develop psychological support programs for families in crisis situations.

Keywords

family resilience, family resources, family support, stress, cross-cultural study, content analysis

Введение

В период глобальной нестабильности начала XXI века, характеризующегося экономическими кризисами, геополитическими сдвигами и последствиями пандемии, проблема поддержания стабильности семейных систем приобретает междисциплинарный характер. Жизнеспособность семьи рассматривается не как отсутствие патологии, а скорее как динамическая способность системы восстанавливаться, развиваться и успешно адаптироваться после пережитых кризисов [1; 2]. Согласно классическим идеям Т. Парсонса, семья является конститутивным элементом, ответственным за стабилизацию индивида [1], в то время как Н. Луман подчеркивает роль коммуникации как основного процесса, поддерживающего целостность системы как противовес внешним вызовам [3].

Теоретической основой исследования является экологическая теория В. Бронфенбреннера, который классифицирует семью в контексте многослойной среды [4]. Взаимодействие микро-системы (семьи) с экзо- и макросистемами определяет объем доступных ресурсов в период исследования 2020–2023 годов. В эпоху «общества риска», описанного В. Бекон, традиционные семейные узы подвергаются разрушительному влиянию процессов индивидуализации [5; 6; 7]. Р. Инглхарт и Дж. Скотт отмечают, что трансформация ценностей в сторону постмодернистских идеалов меняет структуру семейных обязанностей, делая внутреннюю психологическую стабильность критически важным ресурсом [2; 8].

Трудности функционирования семьи в кризисных ситуациях, особенно актуальные для стран Восточной Европы и России в период социальных потрясений 1990–2020-х годов (пандемия и ее последствия, экономический кризис, военные конфликты), подробно обсуждались в работах Р. Конгера и Г. Элдера, которые показали связь между экономическим стрессом и качеством отношений между родителями и детьми [9]. Эффективность адаптации во многом зависит от структуры семьи [10]. Модель Д. Олсона определяет сплоченность и гибкость как два основных параметра, определяющих устойчивость системы [11; 12]. Дж. Паттерсон дополняет этот подход теорией семейного стресса, подчеркивая важность субъективного восприятия событий в контексте современных вызовов [1; 9].

Современные исследования (2020–2024 гг.) сосредоточены на специфике устойчивости в различных культурных контекстах. Ф. Уолш выделяет три ключевых измерения семейной устойчивости: системы убеждений, организационные модели и коммуникационные процессы [2; 5]. Исследования Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко подтверждают, что в российском контексте семейные ценности остаются фундаментальной опорой для личности, несмотря на внешнюю нестабильность [13]. Аналогичные тенденции наблюдаются в работах Т. Игнятович и ее коллег в отношении сербского общества, где семейная солидарность служит основным буфером против социального стресса [14].

Методологически изучение жизнеспособности требует сочетания количественных параметров и качественного анализа семантических конструкторов. А.И. Антонов подчеркивает необходимость микросоциологического анализа повседневных взаимодействий для понимания семейной устойчивости [15]. Для углубленного изучения этих процессов используется контент-анализ. К. Криппендорф определяет контент-анализ как исследовательскую технику получения воспроизводимых и надежных выводов из текстов, позволяющую выявлять скрытые механизмы внутрисемейной коммуникации [7; 16]. Качественный анализ рассказов членов семьи позволяет выявить специфические стратегии преодоления трудностей, которые часто упускаются из виду в стандартных исследованиях.

В современных условиях большое значение имеет изучение влияния всех процессов на будущие поколения. П. Амато и А. Черлин подчеркивают, что определяющими факторами долгосрочных трудностей являются не сами кризисные события (например, развод), а отсутствие эмоциональной поддержки и конструктивного общения после них [8; 16; 17]. В этом смысле концепция семейной жизнеспособности смещает акцент с анализа факторов риска на поиск защитных факторов. А. Мастен и К. Пантер-Брик подчеркивают, что устойчивость – это не статическое свойство, а результат постоянного взаимодействия биологических, психологических и социальных ресурсов [3; 18].

Таким образом, данный теоретический обзор показывает, что семейная устойчивость – это сложная конструкция, включающая как структурные и функциональные характеристики системы, так и динамические процессы коммуникации и эмоциональной поддержки. Использование кросс-культурного анализа и методов качественной обработки данных (контент-анализ) позволяет более точно изучить универсальные и специфические механизмы семейной адаптации в России и Сербии.

Цель исследования – выявить факторы устойчивости семьи и определить роль семейной поддержки в условиях социальных и экономических потрясений на примере Сербии и России.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать демографические характеристики выборки;
- 2) оценить уровень семейного стресса и семейной поддержки;
- 3) выявить связь между стрессом и поддержкой;
- 4) провести сравнительный анализ между странами.

Гипотеза 1. Высокий уровень субъективно воспринимаемой семейной поддержки выступает универсальным защитным фактором, снижающим уровень социального стресса респондентов как в российской, так и в сербской выборках.

Гипотеза 2. Предполагается, что в российской выборке будут преобладать рационально-прагматичные стратегии и акцент на индивидуальных ресурсах, тогда как в сербской выборке – духовно-религиозные ценности и ориентация на эмоциональную гармонию.

Методология исследования

В исследовании приняли участие 240 респондентов (120 из России и 120 из Сербии), при этом выборки демонстрируют как сходства, так и содержательные различия в социально-демографическом профиле.

В обеих выборках преобладают женщины (~62,5%), однако русская выборка характеризуется более молодым возрастом (средний возраст 23,5 лет), тогда как сербская выборка представлена более взрослыми участниками (средний возраст 28,5). Рассматривалась социальная группа молодежи с 18 до 35 лет в обеих странах.

Эти возрастные различия отражаются в структуре образования, занятости и семейного статуса: в русской 46% респондентов учатся, 90% не имеют детей, и 42% проживают с родителями, что соответствует студенческой популяции на начальных этапах профессионального становления; в сербской выборке, напротив, 71% работают, 29% имеют детей, и лишь 17% живут с родителями, что указывает на более зрелую, социально самостоятельную группу. Религиозный профиль также различается: в обеих выборках доминирует православная идентичность, однако в сербской выборке уровень религиозной самоидентификации выше (79% против 62,5% в русской), а доля атеистов и агностиков ниже (16,5% против 25%). Региональное распределение включало представителей крупных городов (Белград, Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск – 54,2%) и региональных центров РФ и Сербии (45,8%). Данные различия в возрастной структуре, занятости, семейном статусе и религиозности были учтены при интерпретации кросс-культурных сопоставлений механизмов семейной жизнеспособности.

Отбор респондентов осуществлялся методом квотной выборки с контролем по полу, возрасту и региону проживания. Приглашение к участию распространялось через профессиональные сообщества, образовательные учреждения и социальные сети. Критерии включения: возраст 18–35 лет, проживание на территории Сербии или России не менее 5 лет, наличие опыта проживания в семье. Все участники заполняли опросные листы и давали информированное согласие на участие в исследовании.

В ходе исследования и утверждения результатов использовались следующие социально-психологические методы: анкетный опрос; описательная статистика; корреляционный анализ; t-критерий Стьюдента; контент-анализ.

Под «условиями социальных потрясений» в данном исследовании понимается совокупность макроуровневых стрессоров, актуальных для периода 2020–2025 годов, включая последствия пандемии COVID-19, экономическую нестабильность (инфляция, риск потери дохода) и геополитическую напряженность. Для оценки уровня воспринимаемой семейной поддержки респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Какой уровень поддержки вы ощущаете от семьи в стрессовой ситуации?» с использованием 10-балльной шкалы Ликерта (от 1 = «полностью отсутствующая» до 10 = «максимально высокая»). Уровень актуального семейного

стресса измерялся аналогичным способом посредством вопроса: «Какой уровень стресса переживает ваша семья в настоящий момент?» с тем же диапазоном ответов. Предварительный анализ распределения полученных данных с использованием критерия Колмогорова–Смирнова подтвердил их соответствие нормальному закону распределения, что обосновало применение параметрических методов статистической обработки, в частности t-критерия Стьюдента для независимых выборок и корреляционного анализа Пирсона.

Контент-анализ открытых ответов осуществлялся двумя независимыми кодировщиками, прошедшими инструктаж по единой схеме кодирования; согласованность между экспертами составила 0,82 по коэффициенту Каппа Коэна, что свидетельствует о высоком уровне надежности экспертной валидности. Категории кодирования были определены как взаимоисключающие (не допускающие множественное кодирование одного ответа), что позволило корректно рассчитать частоты встречаемости тем в процентах от общего числа респондентов, обеспечивая прозрачность и воспроизводимость качественной обработки данных.

Для выявления субъективно воспринимаемых ресурсов семейной жизнеспособности респондентам был задан открытый вопрос: «Что помогает вашей семье справляться со сложными жизненными ситуациями?». Полученные ответы подверглись качественному контент-анализу с использованием индуктивного подхода к кодированию: первоначально ответы были систематизированы по смысловым единицам, после чего выделены пять ключевых категорий ресурсов, отражающих основные стратегии совладания в условиях кризиса. Каждая категория получила краткое описание и код для последующей количественной обработки данных (Таблица 1): эмоциональная поддержка (взаимная помощь членов семьи), материальная помощь (финансовая и ресурсная поддержка), совместные решения (обсуждение проблем и коллективное принятие решений), социальная поддержка (помощь друзей и расширенной семьи) и религиозные ценности (вера и духовные традиции как источник силы).

Таблица 1 – Таблица кодирования (составлено авторами)

Категория	Описание	Код
Эмоциональная поддержка	поддержка членов семьи	C1
Материальная помощь	финансовая поддержка	C2
Совместные решения	обсуждение проблем	C3
Социальная поддержка	помощь друзей	C4
Религиозные ценности	вера и традиции	C5

Результаты исследования

В процессе анализа текстовых данных были выделены пять основных категорий, отражающих ключевые ресурсы семейной жизнеспособности. Каждой категории был присвоен код, что позволило структурировать ответы респондентов и провести их количественную обработку (табл. 2).

Таблица 2 – Частоты встречающихся категорий % (составлено авторами)

Категория	Сербия	Россия
Эмоциональная поддержка	42	44
Материальная помощь	21	24
Совместные решения	14	18
Социальная поддержка	11	9
Религиозные ценности	12	5

Результаты контент-анализа показывают, что эмоциональная поддержка является наиболее важным фактором устойчивости семьи в обеих странах. В Сербии этот фактор был упомянут

в 42% ответов, а в России – в 44%. На втором месте финансовая поддержка, которую респонденты считают важным ресурсом для преодоления кризисов. Реже упоминались, но также значимые факторы, такие как совместное принятие решений, социальная поддержка со стороны друзей и религиозные ценности.

В таблице 3 представлены результаты сравнительного анализа уровня семейного стресса и воспринимаемой семейной поддержки в российской и сербской выборках. Анализ показал статистически значимые различия между странами по обоим показателям. Российские респонденты демонстрировали более высокий уровень семейного стресса ($M = 6,99$, $SD = 2,39$) по сравнению с сербскими участниками ($M = 5,67$, $SD = 2,33$), $t = 4,35$, $p < 0,001$. Аналогичная тенденция наблюдалась и в отношении воспринимаемой семейной поддержки. Российские респонденты оценивали поддержку в семье выше ($M = 7,74$, $SD = 2,24$), чем сербские респонденты ($M = 6,91$, $SD = 2,37$), $t = 2,80$, $p = 0,003$. Полученные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на более высокий уровень стресса, российские семьи также характеризуются более высокой субъективной оценкой внутрисемейной поддержки, что может отражать компенсаторные механизмы совладания в условиях социально-экономической нестабильности.

Таблица 3 – Сравнительный анализ уровня семейного стресса и поддержки в российской и сербской выборках (составлено авторами)

Показатель	Группа	M	SD	t	p
Уровень стресса семьи	Россия	6.99	2.39	4.35	< .001**
	Сербия	5.67	2.33		
Уровень поддержки семьи	Россия	7.74	2.24	2.80	0.003*
	Сербия	6.91	2.37		

Примечание. M – среднее значение; SD – стандартное отклонение; t – значение t-критерия Стьюдента; p – уровень статистической значимости.

Корреляционный анализ (табл.4) выявил отрицательную взаимосвязь между уровнем стресса и семейной поддержкой ($r = -0,149$). Можно сказать, что чем выше воспринимаемая семейная поддержка, тем ниже уровень социального стресса у респондентов. В очередной раз подтверждается гипотеза исследования о защитной функции семейной поддержки.

Таблица 4 – Взаимосвязь между уровнем семейного стресса и семейной поддержки (составлено авторами)

Переменная	Уровень стресса семьи	Уровень поддержки семьи
Уровень стресса семьи	1	
Уровень поддержки семьи	-0.149*	1
df	–	238
p	–	0.021

Примечание. * $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$; df – степени свободы; p – уровень статистической значимости.

Что касается качественного анализа ответов сербской выборки, то можно говорить о следующей специфике:

1. *Коллективистская ориентация:* в ответах наблюдается доминирование категорий взаимной поддержки, единства и коммуникации (65% ответов) свидетельствует о коллективистской модели семейной устойчивости в сербской культуре.

2. *Роль духовности*: вера и религиозность занимают значимое место (10%), что соответствует традиционным ценностям Сербии.

3. *Межпоколенческая поддержка*: упоминание родителей и старшего поколения как ресурса отражает важность расширенной семьи.

4. *Баланс индивидуального и коллективного*, проявляющиеся в том, что наряду с взаимозависимостью присутствуют ресурсы саморегуляции и личной силы.

5. *Эмоциональная культура отношений в семье*: высокая ценность любви, гармонии и эмоциональной близости как фундамента семейной жизнеспособности.

Данные результаты согласуются с исследованиями семейной устойчивости в коллективистских культурах и подчеркивают важность социально-ориентированных стратегий совладания в сербских семьях.

Кроме того, результаты исследования демонстрируют значимость культурных факторов. В странах с сильными семейными традициями роль семьи как института социальной поддержки значительно выше, чем в обществах с более индивидуалистическими ценностями. Это объясняет относительно высокий уровень семейной поддержки в выборках обеих стран.

В русской выборке качественный анализ ответов респондентов позволяет заключить, что наблюдается:

1. *Коллективистская ориентация с акцентом на взаимность*, так как наблюдается доминирование категорий взаимной поддержки, единства и сплоченности (68% ответов), что свидетельствует о выраженной коллективистской модели семейной устойчивости в русской культуре.

2. *Баланс коллективного и индивидуального*: в отличие от сербской выборки, в русской выборке более выражена категория личностных ресурсов (12%), что указывает на сочетание взаимозависимости с развитием индивидуальной устойчивости.

3. *Рационально-ориентированный подход*: высокая частота упоминаний в контексте семейной устойчивости логики, разума, здравого смысла и совместного обсуждения решений отражает тенденцию к рациональному разрешению семейных трудностей.

4. *Проблемно-ориентированная стратегия*: упоминание «решения проблем, а не поиска виноватых» свидетельствует о конструктивном подходе к преодолению кризисов.

5. *Умеренная роль духовности*: вера и религиозность присутствуют в 6% ответах, но менее выражены, чем в сербской выборке, что может отражать различия в религиозности между культурами.

6. *Важность расширенной семьи*: поддержка родителей и родственников упоминается как значимый ресурс, что соответствует традициям взаимопомощи в русских семьях.

7. *Амбивалентность части ответов*: наличие негативных ответов («делаем вид всей семьей», «каждый опирается на что-то свое») указывает на наличие дисфункциональных паттернов в части опрошенных семей.

Обсуждение результатов

При сравнении данных из Сербии и России мы обнаружили статистически значимые различия по уровню социального стресса и воспринимаемой семейной поддержки: российские респонденты демонстрировали более высокие показатели стресса, но при этом оценивали и семейную поддержку несколько выше. Эта закономерность может свидетельствовать о компенсаторном механизме, при котором повышенный уровень стресса активизирует более интенсивное восприятие внутрисемейной поддержки как ресурса совладания. Более детальное изучение ответов респондентов подчеркивает кросс-культурное сходство в качественном наполнении механизмов устойчивости. Прежде всего, обе выборки демонстрируют выраженную коллективистскую ориентацию: в ответах респондентов из обеих стран доминируют категории

взаимной поддержки, семейного единства и сплоченности. Этот результат согласуется с теоретическими представлениями о важности расширенной семьи и межличностной взаимозависимости в культурах Восточной Европы и Балканского региона, где семья традиционно выступает ключевым институтом социальной защиты и эмоциональной поддержки в условиях нестабильности.

Вместе с тем, анализ выявил ряд содержательных различий, отражающих культурную специфику стратегий совладания. В русской выборке более отчетливо проявились индивидуальные ресурсы жизнеспособности, так как респонденты чаще упоминали такие категории, как «логика», «рассудок», «сила воли», «собственные ресурсы», что указывает на сочетание коллективистской ориентации с развитой установкой на личную ответственность и саморегуляцию. Кроме того, в русских ответах значимо чаще встречались упоминания о конструктивном, проблемно-ориентированном подходе к преодолению трудностей: «разговоры», «совместные обсуждения решений», «здоровый смысл», «на решение проблем, а не на то, чтобы винить друг друга». Данная тенденция может отражать влияние социокультурных трансформаций постсоветского периода, способствовавших развитию прагматичных и рациональных стратегий адаптации в условиях экономической и социальной неопределенности.

В сербской выборке, напротив, более выраженную роль играют духовно-религиозные ресурсы, а именно: категории «вера», «Бог», «судьба» упоминаются существенно чаще, чем в русской выборке. Это согласуется с данными о высокой значимости православной традиции в сербской культуре, где религиозность выступает не только как система убеждений, но и как важный механизм психологического совладания с травмой и утратой. Также в сербских ответах чаще акцентируется ценность эмоциональной гармонии, любви и близости как фундамента семейной устойчивости, тогда как в русской выборке на первый план выходит рациональное разрешение конфликтов и поддержание функционального единства семьи.

В то же время обе культуры сохраняют общий акцент на семейной солидарности, подчеркивая универсальную роль семьи как буфера против внешних потрясений в обществах, переживающих трансформационный стресс. Таким образом, исследование подтверждает, что устойчивость семьи – это сложное явление, формируемое психологическими, социальными и культурными факторами.

Заключение

Целью исследования было изучение устойчивости семей к социальным и экономическим потрясениям на примерах Сербии и России. Результаты эмпирического анализа выявили ключевые факторы адаптации, подтвердив, что семейная поддержка выступает важнейшим защитным ресурсом, так как корреляционный анализ показал отрицательную взаимосвязь между социальным стрессом и поддержкой, а семьи с высоким уровнем поддержки лучше функционируют в кризисных ситуациях. Статистически значимые различия между выборками продемонстрировали, что российские респонденты сообщают о более высоком уровне стресса по сравнению с сербскими участниками. Одновременно с этим уровень воспринимаемой семейной поддержки в России также оказался выше по сравнению с Сербией, что подтверждает гипотезу о защитной функции поддержки и указывает на кросс-культурные различия в переживании стресса.

Более высокий уровень стресса в российской выборке может быть объяснен комплексом социально-экономических и исторических факторов, включая последствия пандемии, экономическую нестабильность и геополитическую напряженность периода 2020–2025 гг., когда проводилось исследование, что формировало хроническую ситуацию неопределенности. Контент-анализ ответов респондентов позволил выявить основные ресурсы устойчивости: эмоциональную поддержку, совместное принятие решений и материальную помощь, однако стратегии совладания приобрели культурно-специфическое наполнение. Если в русской выборке до-

минирует рационально-прагматичный подход, сочетающий коллективную сплоченность с развитием индивидуальных ресурсов, что может повышать субъективное бремя ответственности, то в сербской выборке ключевую роль играют духовно-религиозные ресурсы и акцент на эмоциональной гармонии. Высокий уровень воспринимаемой поддержки в России может интерпретироваться как компенсаторный механизм, так как в условиях интенсивных внешних вызовов актуализируется потребность в внутрисемейной солидарности, что отражает системные особенности функционирования семей в различных социокультурных контекстах.

Полученные данные подчеркивают необходимость дифференцированного, культурно-чувствительного подхода при разработке программ психологической помощи. В российском контексте целесообразно сочетать развитие индивидуальных копинг-компетенций с укреплением коммуникативных ресурсов семьи, тогда как в сербском контексте более эффективными могут оказаться интервенции, интегрирующие духовные ценности и эмоционально-поддерживающие практики. Дальнейшие направления исследований включают расширение эмпирической базы, включение дополнительных стран для сравнительного анализа и использование более сложных статистических методов. Таким образом, проведенное исследование подтверждает, что семья играет ключевую роль в обеспечении социальной стабильности и служит важным ресурсом для адаптации индивидов в условиях социально-экономической нестабильности, а учет культурного контекста является обязательным условием для разработки эффективных программ поддержки семей.

Дальнейшие направления исследований включают расширение эмпирической базы исследования, включение дополнительных стран для сравнительного анализа и использование более сложных статистических методов для анализа данных. Таким образом, проведенное исследование еще раз подтверждает, что семья играет ключевую роль в обеспечении социальной стабильности и служит важным ресурсом для адаптации индивидов в условиях социально-экономической нестабильности.

Ограничения исследования. Настоящее исследование имеет ряд ограничений, которые необходимо учитывать при интерпретации полученных результатов. Во-первых, кросс-секционный дизайн не позволяет делать выводы о причинно-следственных связях между изучаемыми переменными. Во-вторых, использование квотной выборки с привлечением респондентов через социальные сети и профессиональные и студенческие сообщества может ограничивать репрезентативность данных для более широких популяций России и Сербии.

Библиография

1. Patterson, J. M. Integrating family resilience and family stress theory // *Journal of Marriage and Family*. 2002. Vol. 64, no. 2. Pp. 349–360. DOI: 10.1111/j.1741-3737.2002.00349.x
2. Walsh F. *Strengthening Family Resilience*. 4th ed. New York : Guilford Press, 2016. 420 p. DOI: 10.4324/9781003193050
3. Perry, K. J., Penner, F., Contreras, H. T., Santos, R. P., Sarver, D. E. A US National Study of family resilience during the COVID-19 pandemic // *Journal of Child and Family Studies*. 2023. T. 32. №. 6. С. 1627-1642. DOI: 10.1007/s10826-023-02581-5
4. Bronfenbrenner, U. *The Ecology of Human Development*. Cambridge : Harvard University Press, 1979. 330 p. URL: https://khoerulanwarbk.wordpress.com/wp-content/uploads/2015/08/urie_bronfenbrenner_the_ecology_of_human_developbokos-z1.pdf (Дата обращения 09.04.2026).
5. Бек, У. *Общество риска. На пути к другому модерну* / пер. с нем. В. Седельника. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

6. Beck, U., Beck-Gernsheim, E. *Individualization: Institutionalized Individualism and its Social and Political Consequences*. London: Sage Publications, 2002. 221 p. URL: <https://www.torrossa.com/en/resources/an/4912312> (Дата обращения 09.04.2026).
7. Krippendorff, K. *Content Analysis: An Introduction to Its Methodology*. 4th ed. Thousand Oaks : Sage Publications, 2018. 456 p. URL: https://www.metodos.work/wp-content/uploads/2020/05/content_analysis-krippendorf-book.pdf (Дата обращения 09.04.2026)
8. Inglehart, R. *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 273 p. DOI: 10.1093/sf/soz119
9. Conger, R. D., Elder G. H. *Families in Troubled Times: Adapting to Change in Rural America*. Chicago : Aldine de Gruyter, 1994. 303 p. DOI: 10.4324/9781003058809
10. Нестерова, А.А. Семейные ресурсы как условие жизнеспособности семьи в кризисных ситуациях // Развитие личности. 2016. № 1. С. 156–173. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-resursy-kak-uslovie-zhiznesposobnosti-semi-v-krizisnyh-situatsiyah> (Дата обращения 09.04.2026)
11. Coleman, J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // *American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. Pp. 95–120. DOI: 10.1086/228943
12. Olson, D.H. Circumplex model of marital and family systems // *Journal of family therapy*. 2000. Vol. 22. №. 2. С. 144-167. DOI: 10.1111/1467-6427.00144
13. Лебедева, Н. М., Татарко, А.Н. Векторы развития стран в едином пространстве культурных измерений // *Психологический журнал*. 2019. Т. 40. №. 6. С. 99-111.
14. Ignjatović, T. D., Hercog, N.Č., Stanković, B., Tomanović, S. *Sociocultural Traumatization and Resilience in Serbia: Family Legacies at the Turn of the Millennium* // *Sociocultural Trauma and Well-Being in Eastern European Family Therapy*. Cham : Springer International Publishing, 2023. С. 75-88. DOI: 10.1007/978-3-031-29995-7_6
15. Антонов, А.И., Дорохина, О.В., Проневская, И.В., Синельников, А.Б., Соколова, Г.В. *Социология семьи: учебник*. Москва : ИНФРА-М, 2016. 640 с.
16. Cherlin, A.J. Evolutionary influences on assistance to kin: Evidence from the panel study of income dynamics // *Sociological Science*. 2023. Vol. 10. Pp. 964-988. DOI: 10.15195/v10.a34
17. Amato, P.R., Cheadle, J. The long reach of divorce: Divorce and child well-being across three generations // *Journal of marriage and family*. 2005. Vol. 67. №. 1. Pp. 191-206. DOI: 10.1111/j.0022-2445.2005.00014.x
18. Masten, A.S. Resilience from a developmental systems perspective // *World Psychiatry*. 2019. Vol. 18. №. 1. Pp. 101. DOI: 10.1002/wps.20591

Поступила в редакцию: 01.04.26

Принята к публикации: 20.05.26